

КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НЕРКИН ГЕТАШЕНА

(Социокультурная характеристика)

Р. А. МКРТЧЯН, А. С. ПИЛИПОСЯН, А. К. ПАЛКЯН

В 1989—1990 гг. Севанская археологическая экспедиция новострочного отдела Института археологии и этнографии НАН РА вела раскопки на северной окраине с. Неркин Геташен (бывший Неркин Аднаман), возле юго-западного берега оз. Севан¹. Исследуемый объект представляет собой известный в специальной литературе по работам Е. Лалаяна 1908 г. могильник эпох средней бронзы—железа «Демер»², среди раскопанных комплексов которого особый интерес представляют коллективные погребения—характерное проявление культуры Севанского бассейна эпохи бронзы—железа. Целью настоящей статьи является представление конкретного коллективного захоронения с привлечением всего комплекса археологических и антропологических материалов; наиболее информативным с этой точки зрения является погребение 21 на северном участке могильника (табл. 1, рис. 1).

Погребение имеет каменно-земляную насыпь высотой около 1,0 м, обнесенную кромлехом из 87 крупных базальтовых глыб, диаметр которого по оси запад—восток—22,2 м, по оси север—юг—19,35 м. Могильная камера представляет собой прямоугольное, ориентированное примерно с востока на запад сооружение длиной 4,25 м и шириной 3,65 м при глубине 4,35 м, на западной стене которого сохранилась *in situ* лишь одна базальтовая плита перекрытия (3,90 м×1,85 м×0,65 м). Вторая плита (4,10 м×2,0 м×0,75 м) оказалась смещенной в южный сектор кромлеха, третья, необходимая для полного перекрытия камеры, отсутствовала. Западная, северная и южная стены камеры сравнительно аккуратно сложены из 5—6 рядов грубо околотых крупных базальтовых плит, в то время как восточная стена отличается небрежной кладкой 8 рядов необработанных камней. Исходя из различий в характере кладки стен, уровне залегания камней кромлеха и плит верхнего ряда камеры, а также неправильных очертаний оконтуривающего насыпь кромлеха, можно восстановить последовательность сооружения конструкции. Судя по всему, в выкопанном в грунте прямоугольном котловане с пандусом в первую очередь были сложены западная, северная и южная стены, перекрытые тремя плитами. После совершения погребального обряда со стороны пандуса сложили также восточную стену; затем поверх камеры был насыпан могильный холм,

1 У. У. Փիլիպոսյան, Վ. Է. Հովհաննիսյան, Պեղումներ Ներքին Գետաշենի դուռում (Հայաստանի Հանրապետությունում 1989—1990 թթ. դաշտային հնագիտական աշխատանքների արդյունքներին նվիրված գիտական նստաշրջան, Զեկուցումների թեզիսներ (1989—1990), Երևան, 1991, էջ 33—35)։

2 Ե. Լալայան, Պեղումներ Նոր-Բալազանի դաշտում 1908 թվին («Ազգագրական հանդես», գիրք 19-րդ, Թիֆլիս, 1910, էջ 77—78, նույնի՝ Դամբանների պեղումներ հորհրդակին Հայաստանում, Երևան, 1931, էջ 97—101,։

обнесенный кромлехом. В последующем, примерно в XIII в. до н. э., здесь же было совершено впускное погребение, в процессе которого и была удалена третья плита перекрытия.

Основное, коллективное захоронение открыто на дне камеры (табл. 1, рис. 2). В юго-восточном и северо-восточном ее углах лицами на запад в сидячем положении были погребены мужчины 35 и 40 лет*. Под южной стеной, по всей ее длине было установлено 15 одинаковых кувшинчиков; их ряд завершается в юго-западном углу большим глиняным котлом. Аналогичным образом под северной стеной стояло 13 мисок. В центре восточной половины камеры лицом к лицу, соответственно на правом и левом боку, в слабо скорченном положении головами на север лежали мужчина примерно 50 и женщина 27 лет. На шее мужчины было 15 бус, грудь украшена тремя бронзовыми нашивными шитками, в поясничной части находились бронзовый кинжал и точильный камень, возле правого плеча—костяной наконечник стрелы. На голове женщины был бронзовый пластинчатый ободок, на шее—костяная подвеска, на груди—более трех десятков стеклянных бус, на пальцах—четыре кольца, и на разных частях скелета—11 бронзовых пуговиц.

Под восточной стеной, в центре, найден череп быка плохой сохранности. Между шеренгой мисок и черепами лежащих костяков находился скелет собаки, кости конечностей которой были охвачены бронзовыми лентами. В ногах нары были собраны в кучу кости двух овец, трех куниц, лисы, а также две младенческие нижние челюсти. Западную половину камеры занимали скелеты 14 помещенных сидя покойников, размещенных в три ряда. В первом, восточном ряду, лицами на восток помещались (с юга на север) женщины соответственно 27, 20, 32, 30 лет. Перед каждой из них стояло по миске. Второй ряд, примерно в одном метре западнее, составляли четверо мужчин (с юга на север) 30, 40, 40, 20 лет. Перед каждым из них также стояло по миске. Последний, третий ряд, образуют сидящие под западной стеной шесть скелетов. В данном случае степень сохранности антропологического материала позволяет определить пол и возраст лишь одного, четвертого с юга индивидуума—женщина 30 лет.

Таким образом, представленное погребение, наряду с многочисленными костными остатками, содержит также богатый набор артефактов, достаточно представительный для датировки комплекса. Первую, наиболее многочисленную группу находок образует керамическая посуда, представленная кувшинами (15 экземпляров), мисками (21 экз.) и одним котлом (табл. 1, рис. 14—15). Кувшины черно-коричневого цвета высотой 17—20 см имеют плоское дно, шарообразное тулово, низкое цилиндрическое горло и отогнутый наружу венчик. Четырнадцать из них в верхней части корпуса орнаментированы горизонтальным поясом зигзагообразного пунктирного узора, выполненного накатом. Миски черно-коричневого или коричнево-оранжевого цвета, высотой около 10 см, имеют плоское дно, полушарное тулово, округлые плечики и отогнутый наружу венчик. Девять из них украшены под венчиком тем же зигзагообразным орнаментом. Примечательно, что все помещенные перед шеренгой женщин восточного ряда миски орнаментированы, в то время как перед мужчинами второго ряда

* Здесь и далее в тексте возраст погребенных приводится в средних цифрах. Данные по индивидуальному возрастному диапазону см. в табл. 2.

находятся лишь неорнаментированные образцы. Наконец, единственный в нашем собрании котел имеет плоское дно, шаровидное тулово, прямой венчик, из противоположных краев которого помещены две вертикальные ручки. Красно-оранжевая поверхность не залощена.

Диагностирующим признаком керамического комплекса, позволяющим определить культурно-хронологическую атрибуцию рассматриваемого погребения, является наличие орнаментированных зигзагообразным пунктирным накатом сосудов, которые аналогичны керамическим материалам одного из вариантов среднебронзовой культуры Закавказья, а именно тем так называемым севано-узерликским комплексам³, которые датируются II четвертью II тыс. до н. э.

Вторая группа артефактов—предметы вооружения и украшения из бронзы, камня и кости (табл. 1, рис. 3—13). В первую очередь следует отметить цельноотлитый кинжал с рамочной рукоятью, на которой сохранились деревянные накладки. Рукоять завершается ажурным полусферическим навершием. Подтреугольный клинок с четко выраженной срединной нервюрой отделен от рукояти узким рикассо (табл. 1, рис. 13).

Кинжалы подобного типа достаточно широко распространены в памятниках середины II тыс. до н. э. как Севанского бассейна (Севан, Гчашен, Норатус, Камо, Сарухан), так и Закавказья в целом (Карс, Артик, Ванадзор, Папанино, Хртаноц, Ошакан, Арцах, Земо-Бодбе, Трелли и т. д.)⁴. Учитывая сочетание в нашем образце как средние (рамочная рукоять, крестообразное сечение клинка, срединная нервюра), так и позднебронзовых черт (полусферическое ажурное навершие, узкое рикассо, украшенные бронзовыми гвоздиками деревянные накладки), время его изготовления можно отнести к переходному этапу, т. е. к концу 16—15 вв. до н. э.

Бронзовые нашивные щитки (табл. 1, рис. 12) являлись, судя по всем деталям доспеха. Все три образца изготовлены из пластины, имеют дисковидную форму (диаметр одного 9,0 см, двух других—6,0 см) и концентрический рельефный орнамент. Большой экземпляр снабжен двумя, меньшие—одной парой отверстий. Их медные и бронзовые прототипы известны из погребальных комплексов конца III—начала II тыс. до н. э. Малой Азии (Аладжа-Гушюк)⁵ Иранского нагорья (погр. 4 Джамшиди)⁶, Закавказья (Большой Карашамбский курган,

³ К. Х. Кушнерова, Севано-Узерликская культура периода средней бронзы на территории Южного Кавказа (Культурное наследие Востока, Л., 1985, с. 89—105, рис. 5/5—10).

⁴ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, рис. 76; А. Ивановский. По Закавказью, (Материалы археологической комиссии, вып. VI, М., 1911, табл. XX, рис. 3); Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака. Ереван, 1975, рис. 114/2, 3; его же, Армянский некрополь. Каталог, Ереван, 1979, сс. 109, 184, 265, 287; С. А. Есян, Оружие и военное дело древней Армении, 1966, табл. XIV, рис. 5; О. А. Даниелян, К хронологии некоторых курганов Азербайджана. (Материальная культура Азербайджана, Баку, т. VII, 1973, табл. I, рис. 1); К. Н. Пихелаури, Восточная Грузия в конце бронзового века, Тбилиси, 1979, табл. VI, рис. 1; его же, Тбилиси I, Тбилиси, 1978, рис. 31.

⁵ У. Брейд, Д. Трамп, Археологический словарь, М., 1990, цвет. илл. 3.

⁶ C. A. Schaeffer, Stratigraphie comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale, London, 1948, p. 464, tab. 250, fig. 40.

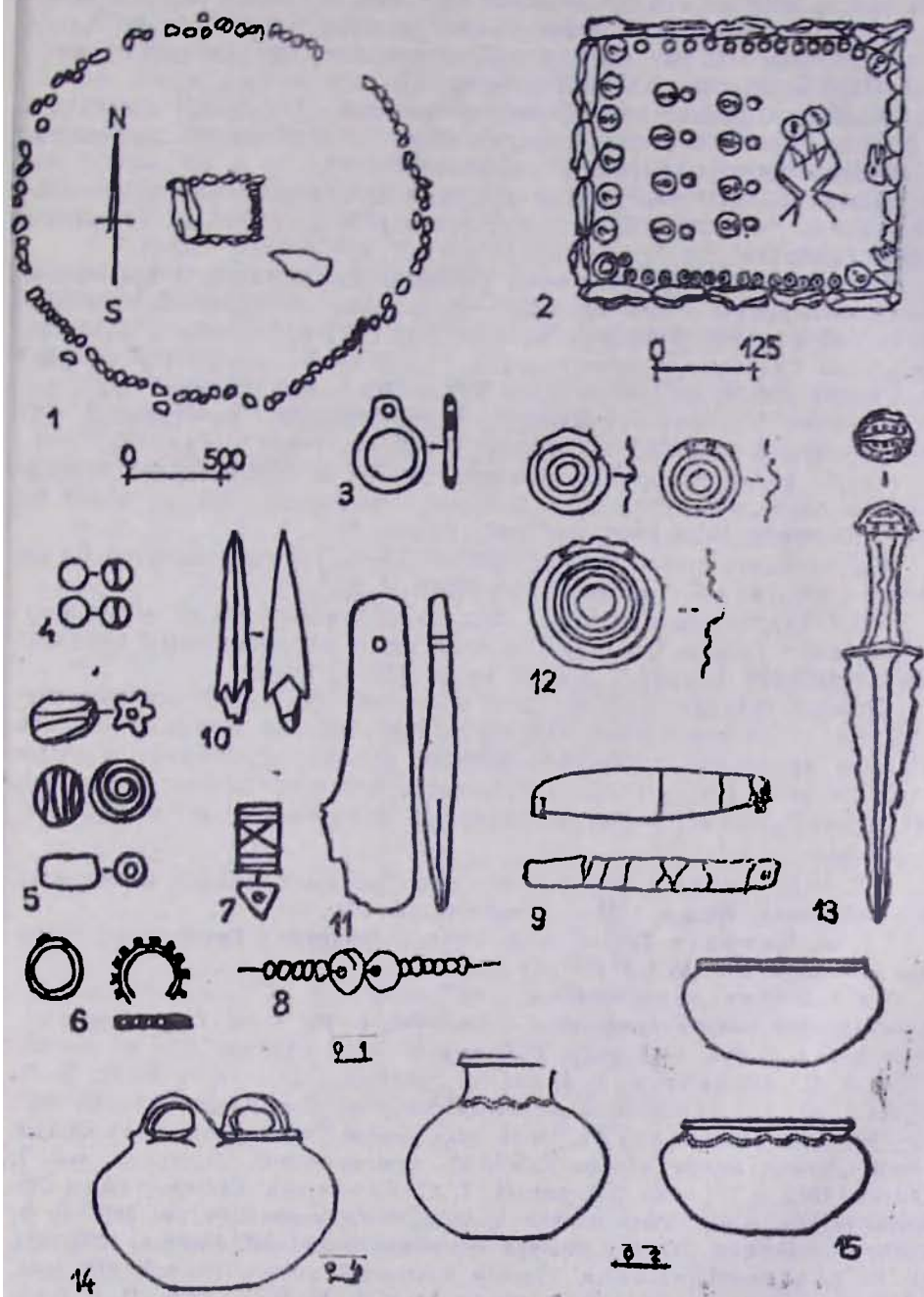

ТАБЛ.

Триалетский курган 40)⁷ и Северного Кавказа⁸. Практически без каких-либо изменений они продолжают бытовать и в эпоху поздней бронзы, свидетельством чему являются их находки в погребениях Армени II половины II тыс. до н. э. (Тазакент, погр. 3; Ангехакот, погр. 2, 3; Лори-Берд, погр. 2, 3, 9; Ехегнадзор)⁹.

Костяной трехгранный наконечник стрелы (табл. 1, рис. 10) с круглым в сечении черенком принадлежит к типу, бытовавшему в Закавказье на протяжении всех эпох бронзы и железа¹⁰.

Единственной в своем роде находкой является пожеванный точильный камень с квадратной в сечении рукояткой со сквозным отверстием (табл. I, рис. 11).

Украшения рассматриваемого комплекса представлены бронзовым рбодком, лентами с лап хищника, кольцами, пуговками, костяной подвеской и разнообразными бусами (табл. 1, рис. 3—9). Ободок из бронзовой пластины с закругленными концами толщиной 0,2 см имеет ширину 3,3 см и длину около 33 см. Из такой же пластины с закругленными концами, снабженными отверстиями, изготовлены ленты; их ширина—2,3—2,7 см, длина 16—20 см. (табл. 1, рис. 9).

Среди колец из бронзовой проволоки один экземпляр—с заходящими и два—со сходящимися концами; четвертое кольцо имеет по кругу 10 шаровидных шишечек (табл. 1, рис. 6).

Одиннадцать выпуклых пуговиц диаметром 1,0 см и высотой 0,4 см имеют с внутренней стороны петлю (табл. 1, рис. 4).

Костяная подвеска (табл. I, рис. 3) диаметром 3,6 см имеет форму кольца с ушком. Ее аналогины происходят из синхронных комплексов погребений Сисиана, Хошун-Даша, Нор-Баязета¹¹.

Особый интерес представляют многочисленные сердоликовые, стеклянные и пастовые бусы. Обнаруженные вблизи женского скелета образцы преимущественно шаровидные, из красно-оранжевого сердолика и стекла. Среди последних имеются как монохромные (зеленые), так и полихромные, орнаментированные проходящими по молочно-бе-

⁷ Л. Жоржикашвили, Э. Гогодзе. Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы, Тбилиси, 1974, с. 53, табл. 46, рис. 353.

⁸ Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья (Советская археология, 1957, № 2, с. 159, рис. 3/3).

⁹ А. А. Мартиросян, указ. соч., с. 83, рис. 38/4, 5: *Մ. Հարսբյան, Պատմա-հնագիտական ուսումնասիրություններ, Երևան, 1935, էջ 178*. С. Г. Деведжян, Лори Берд I, Ереван, 1981, табл. XIII, рис. 15, табл. XXV, рис. 13, с. 68, рис. 28.

¹⁰ Б. Б. Пиоговский, Археология Закавказья, Л., 1949, с. 33, 77; Т. II. Чубинишвили, Древнейшие археологические памятники Мцхета, Тбилиси, 1957, рис. 16; К. П. Пицхелаури, Итоги исследования памятников эпохи поздней бронзы—раннего железа (Труды Кахетской археологической экспедиции, вып. I, Тбилиси, 1969, с. 104, табл. XII, рис. 4); Т. С. Хачатрян, Каменные ящики Степанавана (Труды Гос. музея истории Армении, т. V, Ереван, 1959, рис. 38); Г. Ф. Гобеджишвили, Бедени, культура курганских погребений, Тбилиси, 1980, табл. XI; III. Ш. Дедабришвили, Курганы Алазанской долины, Тбилиси, 1979, табл. XIII, рис. 1; Г. Е. Арешян, В. Э. Оганесян, Ф. М. Мурадян, П. С. Аветисян, Л. А. Петросян, Конец среднего бронзового века в междуречье Аракса и Куры (*Պատմա-հնագիտական հանդես*, 1990, № 1, с. 68, табл. VII, рис. 2); *Ն. Եղգիբյան, Ուկրբ նեաանդերթը Հայաստանում մ.թ.ա. 3-1-ին հազարամյակներում (ՀՍՀՄ ԳԱ օլրարևր, 1982, № 4, էջ 101—104)*.

¹¹ М. Асратян, указ. соч., с. 190, табл. 14, с. 195, табл. 19, с. 197, табл. 21.

лому фону темно-синими или голубыми спиралями экземпляры. Особняком стоит бусина с тремя желтыми «глазками» (табл. 1, рис. 5).

Бусы, найденные вблизи скелета мужчины, имеют в основном цилиндрическую, призматическую и шаровидную формы, изготовлены из белой массы, иногда покрыты светло-серой, бирюзовой или молочной глазурью. Среди них выделяются три сравнительно крупные трехгранные бусы, занимавшие в низке центральное место (табл. 1, рис. 7). Как по форме, так и по орнаментации они близки распространенным в III—II тыс. до н. э. в Египте, на Крите и в Северной Сирии глазурованным печатям и бусам¹².

Суммируя результаты изучения артефактов рассматриваемого погребения на основании имеющихся аналогий, можно констатировать принадлежность комплекса к финальному этапу севано-узерликской среднебронзовой культуры, а именно—ко второй половине 16. быть может, и к началу 15 вв. до н. э.

Краниологическая серия представленного погребения насчитывает 13 черепов. Суммарная характеристика остальных тринадцати индивидуумов представлена в таблице 3, а перечень половозрастных определений приводится ниже (табл. 2).

Таблица 2

№ костяка	Пол	Возраст
1	М	35—45
2	М	30—40
3	Ж	25—30
4	Ж	20—25
5	Ж	18—22
6	Ж	35—40
7	Ж	25—35
8	М	25—35
9	М	45—55
10	М	35—45
11	М	35—46
12	М	18—22
13	Ж	25—35
14	?	1.5—2
15	?	6 мес.

Мужская группа характеризуется очень большим продольным, средним поперечным диаметром и долихокрайним строением черепа.

¹² H. Frankfort, *Studies in Early Pottery of the Near East, I* (in *Mesopotamia, Syria and Egypt and their earliest interrelations*), London, 1924, fig. 14; P. Matz, *Die frühkretischen Siegel*, Berlin—Leipzig, 1923, taf. XII, abb. 1; B. Bren-
tjes, *Alte Siegelkunst des Vorderen Orients*, Leipzig, 1933, S. 50.

Суммарно мозговая коробка—средней высоты. лобная кость—широкая. лицевой скелет высокий, умеренно широкий, ортогнатный и резко профилирован в горизонтальной плоскости. Ширина грушевидного отверстия малая. высота—большая. Носовые кости сильно выступают по двум показателям (SS и 75(1)). Лобный рельеф очень развит, особенно у индивидуума № 9 (6 баллов).

Таблица 3

Средние размеры черепов из № 21 погребения у с. Неркин Геташен /
и сопоставление средних квадратических отклонений

Пол по Мар- тину	Мужские			Женские			S _{st}	S Цамака- берд
	X	n	Si	X	n	Si		
1.	192.9	7	4.41	184.5	6	3.02	6.1	9.3
8.	140.3	7	2.87	137.0	6	2.44	5.0	7.2
17.	133.3	7	3.73	126.5	6	3.93	4.9	8.8
5.	106.3	7	5.25	97.3	6	1.86	4.1	5.9
9.	100.4	7	5.38	99.7	6	3.83	4.4	5.01
10.	117.9	7	2.61	120.5	6	4.09	4.8	6.12
8+1.	72.8	7	1.57	73.9	6	2.08	3.2	2.59
9+8.	71.6	7	3.81	73.1	6	2.44	3.3	3.95
45.	136.3	7	5.02	121.5	6	4.51	5.1	8.33
48.	76.3	6	4.76	70.8	6	3.31	4.1	4.33
46.	97.7	6	5.50	89.8	6	1.60	4.7	6.49
60.	57.0	6	2.28	55.0	6	3.03	2.8	8.41
61.	63.7	6	2.33	58.3	6	3.44	3.2	—
55.	54.3	7	3.77	50.7	6	1.60	2.9	5.62
54.	24.3	7	2.98	22.2	5	1.92	1.8	3.58
51.	41.7	7	2.14	40.3	6	1.97	1.8	3.03
54.	33.0	7	1.29	35.2	6	2.48	1.9	1.84
45+8.	97.3	7	2.95	89.3	6	2.52	3.8	2.09
48+45.	56.5	6	3.47	59.0	6	4.27	3.2	1.52
54+55.	44.9	7	6.01	43.9	5	3.77	4.1	1.62
52+51.	79.2	7	4.22	85.7	6	8.76	5.0	5.22
77.	134.0	6	2.64	133.5	6	4.49	4.4	7.81
<zm	125.4	6	6.04	116.4	6	4.55	5.4	4.46
SC.	10.2	7	1.23	8.4	6	0.61	1.8	1.41
SS.	5.4	7	1.61	4.2	6	1.27	0.9	1.77
32.	76.0	7	2.58	84.5	6	2.81	3.7	2.97
72.	88.0	6	1.26	85.2	6	2.86	2.9	4.46
73.	91.1	7	1.07	88.7	6	3.27	3.0	6.47
75 (1).	33.2	5	3.42	29.3	5	4.46	4.8	7.94

Si — Эмпирическое среднескватрическое отклонение.

Sst — Стандартное среднескватрическое отклонение.

Краниологическая серия Цамакаберда публиковалась неоднократно¹⁴, причем всегда датировалась эпохой поздней бронзы и раннего железа. В фондовых журналах Государственного музея истории Армении материалы памакабердских погребений записаны под коллекционными номерами 1922 (раскопки 1952 г.) и 1941 (1954 г.). Публикуя краниологическую серию Цамакаберда, В. П. Алексеев отмечает год раскопок—1954. Перечень материалов из раскопок 1952 г. черепов не содержит. Они записаны именно во второй коллекции (№ 1941, 1954 г.). Количество опубликованных и записанных черепов одинаково—10. В дальнейшем эти краниологические материалы были переведены в Москву и в настоящее время хранятся в Музее антропологии МГУ под №№ 108—117¹⁵. Археологический инвентарь, зачисленный в этот список, до сих пор не опубликован. Его тщательный анализ позволит датировать эту коллекцию (ГМИА, № 1941) 17—16 вв. до н. э., т. е. отнести ее к финальному этапу среднебронзовой эпохи. Нам представляется, что недоразумение с датировкой этой серии произошло по той причине, что краниологическая коллекция Цамакаберда была датирована на основании материалов раскопок 1952 г.¹⁶, которые содержат предметы из железа. Таким образом, серии из Цамакаберда и коллективного погребения у с. Неркин Геташен синхронны. Можно констатировать, что на территории западного побережья оз. Севан в 17—15 вв. до н. э., а может и раньше, был распространен один и тот же антропологический тип с устойчивой комбинацией краниологических признаков. Морфологической доминантой этих серий является сочетание двух характеристик: относительная массивность и высоколичность. Среди более древних выборок с территории Армении отме-

10 2. Մ ն ա ղ ա կ ա ն յ ա ն, Հնադրոյն դամբարանապաշտ, Յամբարերոյ գլուղի մաս (ՏԽ-
դեկադիրս հասարակ. գիտութ., 1954, № 5, էջ 88—89)։

ченный комплекс признаков прослеживается лишь на черепах из Шенгавита (III тыс. до н. э.)^{*}.

Фиксируя концентрацию конкретного морфологического комплекса на определенной территории в определенный хронологический промежуток и выявляя предковую аналогичную форму, авторы настоящей статьи не ставят вопросы генетического порядка. Подобные проблемы необходимо решать на макропопуляционном уровне, привлекая весь палеоантропологический арсенал исследуемого и сопредельных регионов.

Коллективный характер погребения также требует интерпретации. Размещение погребенных и сопровождающего инвентаря на одном уровне, их непотревоженность, идентичность, вплоть до деталей, помещенных в разных частях камеры предметов, наконец, логическая взаимосвязь всей открытой в гробнице картины позволяют утверждать, что погребение является результатом единовременного акта.

Как отмечалось выше, коллективные погребения являются характерным элементом культуры Севанского бассейна. В частности, таковы раскопы Е. Лалаяном в сс. Кишлак (ныне Арцавакар, погр. №№ 1, 2, 4, 5), Кёса-Махмад (Батикян, погр. №№ 1, 3), Паташар (погр. №№ 1, 3), Загалу (Цовак, погр. № 1), Пашакенд (Ацарат) и Неркин Аднан (погр. №№ 5, 8, 10, 12, 17) бывшего Нор-Баязедского уезда¹⁷. Часть их, судя лишь по описанию общего вида погребения и инвентаря (чертежи погребений и рисунки материалов отсутствуют) не всегда можно уверенно считать совершенным единовременным актом. Другая часть близка погребению № 21 Н. Геташена как по композиционному решению интерьера погребальной камеры, так и по ассортименту и размещению сопровождающего инвентаря. Как бы то ни было, перечисленные погребения должны быть датированы в хронологических рамках конца эпохи средней бронзы—раннего железа.

Коллективные погребения последней четверти II тыс. до н. э., совершенные единовременно, раскопаны нами также в могильнике Мртбидзор (между г. Камо и сс. Кармиргюх и Арвакар).

Таким образом, рассматриваемое погребение № 21 Неркин Геташена, датруемое нами концом 16—началом 15 вв. до н. э., является старшим в хронологическом ряду коллективных погребений на территории Армении.

Как в раскопанных Е. Лалаяном, так и нами коллективных погребениях, большая часть пространства камеры отведена размещенному лежа индивидууму; его же сопровождает большинство артефактов и жертвенных животных. Остальные же костяки, иногда весьма многочисленные, помещались сидя, наваливались друг на друга, сбрасывались в камеру вниз головой, в ряде случаев обезглавливались; как правило, они либо безинвентарны, либо сопровождаются крайне скудным инвентарем. Характерно, что эта категория погребенных никогда не размещается спиной к лежащему индивидууму.

Приведенные наблюдения позволяют предположить, что подобные коллективные погребения, совершенные единовременным актом—следствие захоронения «хозяина» погребения—в нашем случае мужчины с высоким социальным и имущественным статусом, для посмерт-

^{*} Сводку средних данных краинологических материалов с территории Армении и Кавказа см.: В. П. Алексеев, Пронесхождение..., с. 86, 94.

¹⁷ В. Пилипосян, указ. соч., с. 67—117.

ного сопровождения которого были умерщвлены и помещены в ту же камеру подчиненные мужчины и женщины.

При анализе комплексов подобного рода исследователи сталкиваются с рядом вопросов — для кого сооружались эти усыпальницы, кем являются те люди, которые насильственно умерщвлялись для сопровождения «хозяина» погребения и, наконец, каков характер генетического расстояния между ними.

Решение этих проблем требует в первую очередь большой выборки погребальных памятников с коллективными захоронениями и с точными антропологическими определениями. К сожалению, мы не располагаем подобными данными в достаточном количестве.

Результаты исследования материалов четырех коллективных погребений из местности Мртби-дзор с полным набором половозрастных данных могут быть привлечены для определенных параллелей¹⁸. Эти погребения локализуются в 35 км от исследуемого объекта и имеют более позднюю датировку (12—11 вв. до н. э.). Не вдаваясь в подробности прослеживающихся аналогий строительного и обрядового характеров, отметим только два момента, общих для погребальных комплексов Геташена и Мртби-дзора. Это, во-первых, определенная симметрия (в каждом случае разная) расположения в камере сопровождающих «хозяина» погребения костяков по полу, во-вторых, возраст раннего «хозяина», которым во всех случаях являются мужчины старше 40 лет. Исходя из отмеченных деталей, в частности, из анализа погребального обряда в целом, можно предположить, что аналогичные погребения сооружались для мужчин возмужалого и старческого возрастов, которые имели особое положение в обществе. Вышеописанная форма коллективного погребального обряда, по всей вероятности, показатель не столько богатства, сколько определенного социального статуса этих пожилых мужчин. Следует оговориться, что выборка, на основании которой была выявлена корреляция между обрядовыми признаками и половозрастными определениями, малочисленна и разновременна (4 наблюдения из Мртби-дзора 12—11 вв. до н. э. и одно из Неркина Геташена 16—15 вв. до н. э.).

Выдвинутую гипотезу подкрепляет результат интегрированного анализа социодемографической реконструкции археологических и антропологических материалов Талинского некрополя¹⁹, где авторами данной работы эта половозрастная группа (мужчины старше 40 лет) выделялась в особую страту с очень высоким социальным статусом. Безусловно, люди, которые насильственно умерщвлялись при захоронении «хозяина», находились в определенном подчиненном положении.

В целях выявления внутригрупповой изменчивости геташенской краниологической серии были использованы средние квадратические отклонения оригинальных материалов, которые при сопоставлении со стандартными и с аналогичными статистическими параметрами камакабердской серии* позволяют констатировать факт относительной го-

¹⁸ Р. А. Мкртчян, А. С. Пилипосян, П. С. Аветисян, Внутригрупповой анализ краниологических материалов из могильника Мртби-дзор («Горизонты антропологии» — в печати).

¹⁹ Р. А. Мкртчян, П. С. Аветисян, Опыт социодемографической интерпретации по археологическим и антропологическим материалам Талинского некрополя эпохи раннего железа (в печати).

* Среднеквадратические отклонения были просчитаны на основании индивидуальных данных (В. П. Алексеев, Происхождение..., с. 144).

могенности исследуемой группы (табл. 3). Для мужских черепов 12 из 29 эмпирических коэффициентов превышают стандартный уровень в большинстве случаев незначительно и не выдерживают проверку на достоверность. При сопоставлении со среднеквадратическими отклонениями цамакабердской серии (последние, будучи подсчитанными на основании краниологических материалов из одиночных погребений, хронологически и территориально занимающих один и тот же локус с исследуемыми, являются очень удачным примером для создания сравнительного масштаба) выявляется отчетливая однородность черепов из коллективного погребения № 21. Лишь по пяти признакам геташенская серия демонстрирует повышенную вариабельность, однако и здесь, как и в первом случае, налицо статистическая недостоверность** (табл. 3).

Культурно-хронологическая однородность археологических материалов цамакабердского некрополя не вызывает сомнения; таким образом, статистические параметры данной серии представляют характеристику населения одной компактной палеопопуляции, в данном случае—общины. На этом фоне картина внутригрупповой изменчивости краниологической серии из коллективного погребения Неркии Геташена свидетельствует о более тесных генетических связях погребенных в нем людей, чем в цамакабердском некрополе. Не исключено, что в последнем случае мы имеем дело с останками членов более близкородственной группы, которые могли принадлежать членам одной семьи или рода. Результаты аналогичной процедуры с женскими черепами менее наглядны, но не отклоняются от вышеописанных.

Уместно отметить, что при анализе палеоантропологических данных из коллективных погребений эпохи Ванского царства²⁰ и из местности Мртби-дзор была выявлена такая же картина внутригрупповой вариабельности признаков, что позволило авторам этих исследований выдвинуть гипотезу о более гомогенном составе краниологических серий из коллективных погребений.

Культурно-антропологический анализ материалов погребения № 21 Неркии Геташена—еще одно подтверждение тому, что единицей общности людей, погребенных в подобных археологических комплексах, являлись семья или род.

ՆԵՐՔԻՆ ԳԵՏԱՇԵՆԻ ՄԻՋԻՆՐՐՈՆԶԵԴԱՐՅԱՆ ԽՄՐԱՅԻՆ ԹԱՂՈՒՄԸ

Ռ. Ա. ՄԿՐՏՉՅԱՆ, Ա. Ս. ՓԻԼԻՍՅԱՆ, Ա. Կ. ՓԱԼԻԿՅԱՆ

Ա. Մ. Փ. Ն. Փ. Ն. Փ.

Ներքին Գետաշենի «Դեմեր» դամբարանադաշտի թիվ 21 դամբարանային համալիրը երկու առանձին դիաթաղումներ պարունակող հնադիտական հուշարձան է: Վերինը վերաբերում է մ.թ.ա. XIV—XIII դդ., իսկ ստորինը

** Достоверность отношений эмпирических дисперсий к стандартным и к цамакабердским оценивалась по таблицам F-распределения.

²⁰ Н. Р. Кочар, Р. А. Мкртчян, А. К. Паликян, Краниологическая характеристика материалов урартских погребений с территории Армении («Горизонты антропологии»—в печати).

միաժամանակյա ակտով կատարված խմբային թաղում է և, ըստ ուղեկցող անխաթար հնագիտական նյութի, թվագրվում է մ. թ. ա. XVI—XV դդ. սահմանագծով: Վերջինիս հնագիտական և հնամարդաբանական տվյալների զուգորդված ուսումնասիրությունը հնարավորություն ընձեռեց հիմնավորել այդօրինակ խմբային թաղումների առանձնահատուկ բնույթը: Նման դամբարանները կառուցվել են սոցիալական բարձր կարգավիճակ ունեցող տարեց աղամարդու՝ «տիրոջ» համար, որի անդրժիրիմյան ուղեկիցները՝ սոցիալական առումով ավելի ստորադաս և թաղման արարողակարգի պահին բռնությամբ սոյանված մարդիկ (տղամարդիկ, կանայք, երեխաներ), թերևս որոշակի ազդակցական կապ են ունեցել միմյանց և «տիրոջ» հետ: